

Возвращение. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Возвращение. Даниил Александрович Гранин

Рассказ.

Речь шла о поимке «языка». И дивизионная разведка охотилась за «языком», и полковая, и все безрезультатно. Об этом толковали на КП у комбата Рогозина. И тут вдруг младший лейтенант Ипатов произнес тихо, как бы про себя: «Надо попробовать». Комбат решил, что ослышался, переспросил. Ипатов задумчиво посмотрел на него, повторил: «Надо попробовать». Естественно, все засмеялись, потому что Ипатов никакого опыта не имел, не был он ни следопытом, ни сибирским охотником вроде Поленова, а был техником-артиллеристом. Его дело было следить за прицелами, откатными приспособлениями и тому подобными штуками. К тому же он был типичным городским жителем, технологом-прибористом, во всяком случае, из гражданских. Все посмеялись и забыли. Однако Ипатов после этого разговора дня два просидел в окопах со стереотрубой. Никто не обращал на это внимания. Мало ли, может, техник стереотрубу проверяет, потому что стереотруба входит в его инвентарь. Это уже потом вспомнили, восстановили. Изучал участок у немецкой дороги. Там сложный рельеф был: немцы сидели на взгорье, на командных высотах, наши окопы тянулись по склонам и простреливались немцами на некоторых участках, у церкви просто невыносимо. Особенно пока снега не навалило. Окопы были мелкие, земля промерзла, укрыться трудно, к февралю полегче стало, из снега нарыли высоких брустверов, стали ходить в полный рост, выпрямившись. Какое было наслаждение ходить не сгибаясь!..

После очередного доклада комбату насчет веретенного масла для противооткатных цилиндров Ипатов попросился пойти в разведку, вернее – в поиск, за «языком». С тем же деловым, даже меланхолическим видом, с каким говорил про веретенное масло. Рогозин вздохнул, сказал, что так это не делается, нужно иметь план, все продумать. В ответ Ипатов вынул карту, где все было нарисовано, вычерчен весь путь до оврага и дальше до немца. Со стрелками, метрами, проставлены часы и минуты. Даже в разведотделе дивизии могли бы оценить такую работу, хотя и были там некоторые нарушения – Рогозин разбирался в этих тонкостях. Замысел Ипатова был прост: оказывается, в шоссейной насыпи существовала труба, большая бетонная труба для сгона весенних вод. Сейчас она была завалена, забита снегом. Шла она сквозь насыпь и выходила на нейтралку, а уже дальше в полной безопасности пребывали немецкие блиндажи, кухни, КП и кто знает что еще. Этой трубой Ипатов хотел воспользоваться, сквозь нее и утащить «языка». Он точно определил, как добраться до трубы, как отходить, имел ночные ориентиры, словом, все было обдумано.

– А почему насчет трубы уверен? – спросил Рогозин. – Как ты ее вообще увидел?

– Я ее вычислил, – сказал Ипатов. – Как в том анекдоте. – И он слабо улыбнулся.

Рогозин впервые присмотрелся к нему. Это был невысокий, видно, и в мирное время сухонький, не совсем ясного возраста, скорее молодой человек. Лицо невыразительное, но приятное. И чем внимательнее смотришь, тем приятнее, серьезнее, задумчивее оно становилось.

«С кем он дружит? – подумал Рогозин. – С кем он в землянке?» Хотел вспомнить какие-нибудь подробности об этом младшем лейтенанте и не мог. С каждой минутой это казалось все более странным, как мог он, Рогозин, до сих пор совершенно не замечать этого человека.

– То есть как это «вычислил»?

– Очень просто, – сказал Ипатов и вытащил карту местности с отметками. Из них явствовало, что у насыпи весной скапливаются воды и должен быть какой-то спуск, чтобы полотно не подмыло, и обозначено было направление стока. – Очень просто, – сказал Ипатов, – стоит лишь понять соображения строителей...

Теоретически у него и на самом деле получалось куда как просто. Но труба могла оказаться забитой чем угодно, заминированной, с той стороны что-то к ней могло быть пристроено... Возражений появлялось множество.

– Всего не предусмотреть, – сказал Ипатов. – Все-таки это возможность... Другой-то

Возвращение. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
нет. Шоссе у них пристреляно. Пулеметами.

Знаток! Не за свое дело брался, хорошо, если вернутся, хоть ни с чем, но вернутся, а если постреляют их, если подорвутся, тогда с Рогозина спросят – зачем техника посылал, как разрешил, за орденами погнались?

Он подумал, что может передать этот план полковым ребятам, поблагодарить Ипатову и с концами.

– Ладно, – сказал он, – готовь ребят.

«Вычислил», – вот что поразило Рогозина. Может, и там придется мозгами пошевелить.

– Ты кем работал на гражданке? – спросил Рогозин.

– В лаборатории.

– А кем?

– Да так, сотрудником... Научным.

Ночью разгребали трубу; вьюжило, и к утру все набело застелило, да и днем сыпало, сыпало, еле успевали траншеи расчищать. Ракеты освещали белую пелену, высвечивали вокруг себя голубоватый шар, свет почти не достигал земли. Рогозин не заметил, как заснул. Он сидел за столом в углу, обитом ковровой дорожкой, чтоб не холодило от мерзлой стены. Ждал, когда вернется ипатовская группа, и заснул.

Разбудил его старший лейтенант Осадчий, сообщил, что группа Ипатова вернулась в расположение второй роты, привели «языка». Тяжело ранен Поленов, в спину, задет позвоночник, немец тоже ранен, остальные в порядке, их напоили, накормили, уложили отдыхать. Рогозин повернулся было к связисту, но лейтенант Осадчий перехватил его – командиру полка доложено.

– Надо было разбудить меня, – сказал Рогозин.

– Вот я и бужу. – И Осадчий нагло усмехнулся. – Уж больно сладко вы спали, товарищ капитан.

Рогозин представил себе, как командир полка изумился, обрадовался, как Осадчий орал своим голосом и чеканил: «Так точно!», «Служу Советскому Союзу!», как с усмешечкой пояснил, что комбат крепко спит...

Радость была подпорчена, но все же, когда Рогозин добрался до второй роты и увидел немца, да еще офицера, рослого, в натуральном мундире, его сытую физиономию, он хлопнул его по плечу от удовольствия. У немца зуб на зуб не попадал, его всего трясло, может и от боли: когда брали, сержант Пантелеев саданул его прикладом. Он постанывал, не мог поднять головы. Комроты Татарчук скомандовал ему: «Встать!», но немец дернулся еще сильнее и стиснул голову руками.

– Боюсь, как бы он того... не тронулся, – сказал Татарчук. – Дай ему водки.

– Вот еще, переводить добро на фашиста. – сказал сержант, – все равно его...

– Не рассуждай, – оборвал его Татарчук.

Он подошел, взял своей огромной ручищей немца за волосы, поднял голову, протянул ему стакан.

– Шнапс, шнапс, дринькай!

Немец выпил и затих.

Все молча смотрели на него.

– Ничего, очухается, перший класс «язык», – сказал Татарчук.

Рогозина позвали к телефону. Звонил второй, приказали из дивизии, сам комдив – направить фрица в штаб, пока не рассвело, у Шушар будет ждать машина, эмка, главное – добраться до КП без обстрела. Рогозин спросил, а будет ли машина отвезти Поленова в госпиталь. На что начштаба холодно сказал, что об этом договариваться надо с медиками.

– Это я понимаю, – сказал Рогозин.

– И я понимаю твои намеки. Да только ты не сравнивай.

– Вот именно, – сказал Рогозин. – И сравнивать невозможно.

– Да ты что в самом деле, – возмутился начальник штаба, – ты чего себе праздник портишь.

В другое время Рогозин призадумался бы над словами первого, но тут надо было отправлять «языка», созваниваться с соседом, снаряжать провожатых. Пришлось будить Ипатова. Хотя младший лейтенант только заснул и был выпивши – им всем выдали на радостях чуть не по триста граммов. Его долго не могли растолкать, сам Рогозин пришел поторопить. Ипатов, не открывая глаз, выругался, брыкнул ногой, замотанной в байковую портянку. Он спал раздевшись, укрытый двумя шинелями, как позволяли себе спать только разведчики, и то после возвращения. Им полагалось по крайней мере часов пять полного покоя, это было святое правило, и Осадчий предложил капитану послать кого-нибудь другого.

Рогозин осмотрел Осадчего сверху донизу, от его яловых сапог до шапки-ушанки, которая была не бобриковая, как у всех, а заячья. Лейтенант Осадчий был единственный в роте кадровик, и это чувствовалось во всем. Рогозин и сам не мог понять, за что он недолюбливал этого лейтенанта, почему ему казалось, что, когда его, Рогозина, убьют, командовать батальоном будет Осадчий.

Пошел будить Ипатова. Ипатов спал, можно сказать, изо всех сил. Рогозин долго тряс его.

– Узурпатор, – не открывая глаз, бормотал Ипатов.

При вялом свете коптилки видно было, как блаженная улыбка открыла его ярко-белые зубы. Какой-то сон виделся ему, веселый, нездешний. Он спал, поджав ноги, посапывая, совсем не по-фронтному, без ремня, тоненький, малорослый, порозовевший от сна и выпитой водки. Грех было будить его. По всем статьям лучше было послать Осадчего. Откровенно говоря, Рогозин беспокоился, как бы там, в штабе, не приписали всех заслуг себе, поскольку «язык» поступит от них. Поди потом доказывай. В кои, можно сказать, веки... Про Осадчего, конечно, можно не беспокоиться, не то что не упустит, он и себя подать сумеет по первому классу, а вот Ипатов отодвинут. Так что Осадчего посылать при данных обстоятельствах не стоит.

– Ладно... – сказал Рогозин.

В это время Ипатов открыл глаза. Сон еще клубился, солнечно-синий сон, и Рогозин словно бы заглянул в его теплую синь. Собственно, это все и решило, напомнив Рогозину другие обстоятельства, другие соображения.

– Ладно, приводите его в чувство, и побыстрее, – приказал Рогозин.

Потом он зашел в соседнюю землянку, где немцу по его указанию натягивали нашу ушанку. Все равно было видно по его круглой морде с бело-розовой кожей – не нашего фронта морда.

Его разбитую ударом приклада голову перевязали теперь по всем правилам, бинтов не пожалели. Три коптилки, чтобы свет был сильнее, зажгли.

При виде Рогозина немец выпрямился. Рогозин разрешающе махнул рукой. Он знал, что и в штабе полка немца будут поить, кормить, обхаживать, поскольку «язык» дорого стоит, особенно сейчас, перед наступлением. И так будет до тех пор, пока мы не прорвем блокаду, тогда пленных станут считать на сотни, а то и тысячи, как было под Москвой.

Рогозин воевал с первого месяца, а немца, да еще офицера, вот так, вблизи видел третьего. Он смотрел на него, как и солдаты, что были в землянке, с желанием понять, что же такое все эти фрицы, люди они или какие-то придурки недоразвитые. Рогозин знал, что из них течет кровь, они кричат и умирают, как и наши солдаты, что они мерзнут, ходят в сортир, ругаются, но при всем этом никакого арийского превосходства, и не арийского тоже, не замечал. И вот этот немец, наряженный в нашу подпаленную, списанную шинель, не становился от этого понятнее. Тем не менее Рогозин похлопал его по плечу и довольно подмигнул: «Гут?». Это был их немец, их «язык», их пленный, которого они раздобыли прямо-таки чудом, дуриком. «Языка», за которым охотились уже недели две опытные разведчики, вплоть до армейских, а тут, можно сказать, самодеятельность, его хлопцы сработали, его батальонные зацапали.

Он лично проводил Ипатова с двумя бойцами и «языком» по снежной траншее – снова на участок второй роты, самый близкий к шоссе. Повторил младшему лейтенанту: от немца ни на шаг вплоть до штаба, что бы там ни приказывали, а лично сдать в разведотдел, хорошо бы под расписку.

– И можешь прокантоваться в городе сутки. Даю увольнительную. – Хотел дать еще и остаток шоколадной плитки, который хранил на всякий случай уже вторую неделю, – вроде как наградить, поторжественнее, но кусок этот, когда Рогозин вытащил его, показался слишком маловесным.

Через час рассвело. Мгла стекала в овраги, заснеженные, поросшие кустами. Край белесого неба, давно уже лишеного солнца, наливался серебристым зимним светом. Стали видны нарытые брустверы немецких окопов, знакомые до последнего колышка, разбитые ограждения, да еще спирали Бруно, белые от наледи, и дальний лес у Красного Села. Торчал обломок фабричной трубы, высоковольтные опоры, весь пейзаж, с ориентирами и секторами обстрелов, просмотренный Рогозиным до каждого метра. Но что-то новое было в этой снежной тишине. Косой утренний свет проявил цепочки следов на нейтральной полосе. Немцам сверху, с пригорков и насыпи, было видно, наверное, особенно хорошо, для наших тоже эти темно-синие отпечатки проступали все четче. Рогозин разглядывал их в стереотрубу, и вся ночная история открывалась ему в подробности. Как отходили, поддерживали раненого Поленова, как лежали и снова шли друг за другом, проваливаясь по пояс, немец с завязанными руками, так, на всякий случай, здоровенный был. С вечера был снегопад, шел всю ночь. Но сейчас прекратился, и теперь немцы разглядывали, расшифровывали ночное происшествие. Может, толком и не знали, что случилось, и лишь теперь хватились своего лейтенанта. Судя по следам, можно было подумать, что какая-то группа прошла сюда, к Рогозину. Потому что следы туда, к немцам, были заметены. Взяли «языка» дуриком, как выразился Ипатов. Сидел фриц в нужнике, сколоченном поодаль, издавал звуки, тут его и оглушили. Рассказал Ипатов, лишь как тащили сквозь трубу, и, не досказав, завалился на нары спать.

Рогозин отправился к связистам докладывать в полк, что отправляет «языка». Начштаба поздравил его, сказал, что сообщит комдиву, и просил Рогозина не отходить от аппарата.

Наконец ему позвонили: «Доставить немедленно, прямо в штаб дивизии», Рогозин попросил отложить до ночи, потому что уже рассветает и немцы просто так пройти не дадут. Полковник и сам понимал. Рогозина авансом все же обругал, стал докладывать выше. Согласовывали, пока солнце не взошло, заискрило всю нейтралку так, что и думать не могли высунуться. Решили отложить до темноты. Немца накормили из энзэ, Рогозин попробовал его расспросить. Ничего не получилось. Тогда позвали Ипатова. Раз имеет высшее образование, пусть разбирается со своим фрицем. Ипатов после всех расспросов понял не много. Выяснил, что немца звать Густав, что воевал он в Африке, в войсках Роммеля, а вот почему оказался здесь, под Ленинградом, Ипатов понять не мог. Спросил Густава насчет Гитлера, на что тот поморщился: Гитлер «найн», Роммель «гут, зер гут!», и восторженно поднял руку, задрал подбородок.

Конвоировать немца Рогозин назначил Ипатова и сержанта Пантелеева. Решил отправлять с участка второй роты. Она была ближе всего к оврагу, который тянулся от насыпи. Ближе к вечеру Журавлев, комроты, сказал, что у немцев какая-то возня, ясно, что обнаружили пропажу этого лейтенанта, понимают, что его будут переправлять в город, в штаб, но не хотят допустить, что-то готовят. Видно, этот Густав шишка. Как быть? Откладывать на завтра, возвращаться назад – плохая

Возвращение. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
примета, Рогозин на фронте стал верить в приметы, да и снова согласовывать с начальством обрыдло. Не разрешат они такую отсрочку, дело зашло уже далеко.

Тем временем на Густава напялили старенькую шинель, чтобы в городе на него не кидались.

– Только мне лучше бы не с винтовкой, – сказал Ипатов, – мне бы ловчее с пистолетом.

Это было разумно, Рогозин отдал ему свой.

– Вы не беспокойтесь, товарищ капитан, – сказал Ипатов, – я ему втолковывал, что вся нейтралка заминирована, надо аккуратно идти след в след – впереди Пантелеев, за ним он и я замыкающим. Кажется, он понял. У нас не Африка. Так что ему деваться некуда.

Ипатов улыбнулся – больше себе, чем Рогозину. В новом задании для него было что-то из мальчишеской его жизни.

– Погоди, – сказал Рогозин, вынул из планшета завернутый в фольгу, затем в голубенькую обертку, затем еще в плотную бумагу, не годную для курева, обломок шоколадной плитки и молча сунул его Ипатову в карман.

В распадках, поросших кустами, уже клубилась мгла. Скрылись брустверы немецких окопов, ограждения, покрытые наледью, дальний лес, весь пейзаж с привязанными к нему ориентирами, секторами обстрелов, все стаяло во тьме. Рогозин и Журавлев спрятали бинокли, ждали молча.

Слышен был лишь привычный треск взметнувшихся ракет. Вдруг вспыхнул раструб света, немцы включили прожектор, свет медленно полз, ощупывая каждый бугор, еловый молодняк. Вокруг зачастили пулеметные очереди, завывали мины. Мины неслись над головой Рогозина, шквальный пулеметный огонь шел сбоку, из выступа немецких траншей. Обстрел продолжался минут десять, а то и больше. Наступила тишина, выжидающая, без ракет. Присматривались и там и тут.

Еще немного полежали, и Журавлев предложил спуститься в землянку погреться. Рогозин отмахнулся. Если все обойдется, думал он, батальон могут отвести на неделю в город или хотя бы во второй эшелон. Они завшивели, запаршивели, от батальона осталось всего ничего.

Наконец вернулся отправленный Ипатовым обратно Савельев: заминированный участок был пройден.

Ждать дальше не было смысла, но Рогозин почему-то не уходил. Полулежа на бруствере, думал про то, как этот немец покривился, видно, фюрер ихний для него уже не тот, скисает, но блокаду они держат крепко. Впрочем, неизвестно, кто кого держит, мысль эта его обрадовала. Немец тоже вынужден тут стынуть, Ленинград никуда не дает им деться...

Он не додумал: с бруствера к ним сползали немец с Ипатовым. Лейтенант лежал на шинели. Что-то он хотел сказать, вместо этого застонал.

Спустя полчаса Ипатов уже лежал в санчасти. Нога в колене у него была раздроблена, медсестра сменила окровавленный бинт, наложила шину, сделала укол.

– Может, обойдется, – приговаривала она, – лишь бы не было гангрены. Может, обойдется, если сразу в госпиталь.

Расспросить немца Рогозин не мог по случаю незнания языка. Ипатова не расспрашивал, лейтенант лежал бледный, закрыв глаза, иногда крупно вздрагивал, тихо стонал. Немец что-то старался объяснить, говорил виновато. Пантелееву добавить было нечего.

Ипатов открыл глаза, видать, от укола ему стало легче. Сестра обмыла ему лицо, руки, Журавлев помог снять гимнастерку, все было в крови, трудно было представить, как его немец тащил на шинели.

– Я думал, он к своим попытается уйти, – сказал Ипатов. – Я его не мог удержать,

Возвращение. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
товарищ капитан. Это он добровольно.

– Надо доложить, – напомнил Журавлев.

Рогозин позвонил Осадчему, пусть доложит в штаб.

– Невероятно, сам вернулся? Это почему? – сказал Осадчий. – Не верю.

Ипатов пояснил, что Густав бежать не пытался, а понимал он его с трудом, ясно было одно: боялся, если уйдет к своим, будут судить, попадет в гестапо.

– А что к нам вернется, не боялся?

– Товарищ капитан, я его не агитировал. Может, ему у нас понравилось?

– В раю побывал? Ну и ну, ты, главное, не волнуйся, ему, конечно, твое спасение зачтут, а тебе надо выздоравливать, поскольку ты вещественное доказательство.

Докладывая по телефону командиру полка, Рогозин повторил слова Ипатова – добровольно перешел, спас офицера, вроде как совершил подвиг.

– Остынь, – сказал полковник. – Не до этого.

Рогозин предложил, чтобы не рисковать, пусть из разведотдела проведут разговор с немцем здесь, в батальоне. Не стоит тащить его в город, к тому же у немцев прожекторы. Надо, чтобы артиллеристы, как засекут, пусть шандарахнут, к такой матери. Ведь под прожектор наши с немцем и попали.

Полковник думал, не отключался.

– Как ведет себя?

– Вроде с достоинством, – сказал Рогозин, набивая немцу цену.

– От Роммеля... Может, имеет поручение?

– Похоже, – сказал Рогозин.

– И думать не могли допрашивать у тебя. Мне его приказано доставить аж комдиву. Сам командарм хотел прояснить такое явление, так что снаряжай немедленно. Ясно?

Ипатова Рогозин распорядился подготовить к эвакуации в тыл, в госпиталь. Затем отправился на КП, оттуда стал докладывать начальнику штаба. Вскоре ему позвонил командир полка.

– Откуда у них прожектор?

– Они ж тут уже полгода стоят, – сказал Рогозин. – Иногда включают.

Он опять принялся рассказывать, как все было.

– Как это он вернулся? Почему?

Рогозин не мог ничего объяснить.

– Надо прежде всего переправить в разведотдел, а что если... – сказал полковник. – Подожди, помолчи... Давай прямо к комдиву. Там ждут.

– Надо подождать, – сказал Рогозин. – Немцы все еще наблюдают за нашим участком. Они еще не знают толком, удалось им уничтожить ихнего Густава и его конвой или нет.

Ждать полковник не разрешил, решили переправить немца с КП. Как и лейтенанта Ипатова.

– И вот что, дело ответственное, сопровождай сам, в крайнем случае пошли Осадчего.

Возвращение. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
От КП – через первую роту путь хоть и более длинный, но выходил прямо на Рогатку, что было куда безопаснее. По этой дороге доставляли боепитание и просто питание – «супокашу».

– Давайте, товарищ капитан, я отвезу их, – предложил Осадчий.

Рогозин посмотрел, ловя его взгляд, понимающе усмехнулся:

– Нет уж, я сам.

Когда он пришел в санчасть, Густав сидел возле лежащего Ипатова, держал его руку. Рогозин пояснил, что их обоих эвакуируют по ходу сообщения, затем через развалины церкви в первую роту, а до утра в Питер, там будет ждать машина. Машину подошлют для немца по приказу комдива, но Рогозин сказал, что и для лейтенанта, хотел подбодрить Ипатова. Выглядел Ипатов плохо.

– Ты потерпи еще немного, – попросил Рогозин, сел рядом. – Ты можешь спросить Густава, почему он не пытался уйти к своим?

Ипатов спросил, медленно выговаривая каждое слово.

Они слушали, как Густав быстро-быстро стал объяснять.

– Давай медленней, – сказал Рогозин.

Он думал сам понять хоть немного.

– К нам было ближе, – перевел Ипатов.

– Почему он все же не пытался уйти?

Густав что-то ответил, но Ипатов помотал головой и повторил свой вопрос. Это Рогозин понял.

– Они могли его подстрелить, – перевел Ипатов. – А вы, товарищ капитан, приказали бы стрелять в своего?

Рогозин подумал, сказал нерешительно:

– Если вдогонку... в перебежчика.

Вдруг Густав сам стал объяснять, обращаясь к Рогозину.

– Переводи, – попросил Рогозин, – все переводи.

– Он сказал, что, может, я спас ему жизнь. Ведь, раненный, мог его пристрелить, что я вел себя как офицер и он тоже как офицер.

– Ты ему веришь?

– Не знаю, очень уж благородно получается, он же фашист.

– С тобой он был человек. Он же вернулся. Жизнь тебе спас.

– Возьмите пистолет, – напомнил Ипатов.

Пора было в дорогу. Ипатова уложили на носилки.

Опять позвонил полковник, опять допытывался, не появилась ли у Рогозина какая-нибудь версия для комдива?

– Это в твоих интересах, – сказал он ему. – Чего этот чудик вернулся? Мы так и не дознались.

– У меня нет точных объяснений.

– Не признается?

Возвращение. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Вроде как из-за раненого Ипатова.

– Не верю. Что-то темнит. А?

– Жаль, если так, – вырвалось у Rogozina.

– Вы его не прижали. Допрашивать, конечно, не твое дело. Ты лучше скажи, вы его обыскали?

– Нет. У него ни кобуры, ни планшета.

И Rogozin опять должен был повторять, как все было, как отличился Ипатов и как ему не повезло.

Полковник прервал его, но Rogozin все же успел сказать, что отправит заодно в госпиталь и лейтенанта.

– Кончай, а то светать начнет. Ладно, лейтенанта отправляй. Сопровождай сам – и прямо к комдиву. Я подъеду.

Rogozin все исполнил лучшим образом, только вот на допросе Густава присутствовать не стал. Отпросился, ему надо было отвезти лейтенанта в госпиталь, добиться, чтобы не медля занялись им, очень Ипатов был плох. Ему он и раньше нравился, а теперь было и жалко его, и обидно. Непроизвольно появилось чувство вины: как будто спас Ипатова этот немец...

Пришлось пройти к главному врачу госпиталя, просить заняться Ипатовым вне очереди. История ранения подействовала. Она поразила и главврача, и хирурга. Ипатова сразу повезли на операцию, Rogozin сел в коридоре, ему принесли кружку чая. Он расстегнул шинель, вынул портсигар, но курить не стал.

Здесь, на фронте, у Rogozina появилось ощущение Судьбы, которой наделен он и каждый из его солдат. Она существует где-то за пределами пространства. С Ипатовым судьба должна обойтись хорошо. Возможно, и с Густавом, подумал он, но как-то нерешительно. У Судьбы, наверное, свои понятия справедливости.

В операционную прошел главный врач. Вышли все посторонние. Операция прошла хорошо, все осколки извлекли, как сложится дальше, неизвестно, организм слишком слаб, угроза гангрены остается.

В реанимацию Rogozina не пустили, после наркоза лейтенант должен спать.

По городу Rogozin шел пешком. С набережной Мойки свернул на Садовую. Снегопад кончился. Местами от прежних заносов улица превращалась в тропу между сугробов. Луны не было. Из подворотен слабо светили синие маскировочные лампочки. Дома стояли угрюмо, нигде, ни в одном окне не горел свет. Черные каменные глыбы в ночи безлюдных улиц. Пахло гарью. У Сенной площади догорал разбомбленный дом. Пожарище еще дымилось. Rogozin погрелся у теплой стены. Светя фонариками, остановились патрульные, проверили у него документы. Осмотрели его.

– Ждете кого? – спросил старший. Он был в морской форме. Спросил, нет ли закурить. Он снял рукавицы. Тоже хотел погреться. Они, он и два солдата, взяли по папиросе. Закурили. И Rogozin закурил.

– Когда все это кончится? – сказал моряк.

Не «чем кончится?», а «когда?» – будто собирался дожить до прорыва блокады. А вот Rogozin не знал, доживет ли. Уже половина батальона его ушла из жизни, не узнав, что будет с городом, да и со страной. Всегда мы уходим не дожив, не досмотрев, не доделав. Вот и он, Rogozin, наверное, уйдет, не добравшись до Победы.

Он выбрался из города к ночи. Так трудно было одолеть эти три километра. На посту обрадовались его возвращению, проводили до землянки. Остап, его ординарец, растопил буржуйку, поставил на огонь чайник, сковородку с консервами. Принес ледяной воды сполоснуть руки, положил на столик пайку хлеба, кусочек сахара, все это молча, ловко, не в пример Rogozину, который долго раздевался, расстегивался. Он теперь все делал медленно, все в батальоне двигались не так, как раньше,

Возвращение. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru сказывался скудный паек, зима.

Остап присел напротив него, ждал, наконец спросил:

– Хотите лечь?

– Не то слово, – сказал Рогозин.

Он все потягивался, разминая тело, свободное от полушубка, ремней.

В землянке пребывало тепло, привычное тепло с дымком, запахами овчины, портянок, смолы от сосновых накатов, да еще стойкая вонь давно не мытых людей.

– Ну как? – спросил Остап.

Рогозин открыл глаза, долго смотрел на него, возвращаясь откуда-то, где не было войны, смертей, голодухи, трупов на улицах.

– Хорошо, – сказал он. – Теперь всех в баню отвезут, будет вошебойка, валенки обещали выдать, мин прибавят, такие вот пироги.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!